

стве. Фольклорное знание — базисный пласт культурного знания, один из важнейших среди тех, что составляют культурный фон, на котором осознается «фигура» фразеологизма.

Литература

Афанасьев 1982 — *Афанасьев А. Н.* Происхождение мифа, метод и средства его изучения // *Древо жизни. Избранные статьи.* М., 1982. С. 21—37.

Гак 1972 — *Гак В. Г.* К проблеме общих семантических законов // *Общее и романское языкознание.* М., 1972. С. 144—157.

Гудков, Ковшова 2007 — *Гудков Д., Ковшова М.* Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. М., 2007.

Даль 1957 — *Даль Вл.* Пословицы русского народа. М., 1957.

Ковшова 2004 — *Ковшова М. Л.* *Ни кола ни двора:* образ бездомного в русском фольклоре и фразеологии // *Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках.* М., 2004. С. 208—220.

Ковшова 2006 — *Брилева И. С., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Зыкова И. В., Кабакова С. В., Ковшова М. Л., Красных В. В.* Большой фразеологический словарь. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.

Ковшова 2007 — *Ковшова М. Л.* О репрезентации культурных смыслов во фразеологии // *Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний.* М., 2007. С. 224—232.

Мелерович, Мокиенко 2001 — *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 2001.

Мокиенко 2001 — *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник* / отв. ред. Мокиенко В. М. СПб., 2001.

Скляревская 2004 — *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 2004.

Телия 1985 — *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1985.

Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Телия 1999 — *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры.* М., 1999. С. 13—24.

Толстой, Толстая 1993 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vessel-). // *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации.* М., 1993. С. 162—186.

Н. Е. МЕЛЬНИКОВА
(Москва)

О ПЕРСПЕКТИВАХ КОММУНИКАТИВНОГО АНАЛИЗА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Пословицы и поговорки — одни из древнейших жанров фольклора, которые, в отличие от многих других, дожили до наших дней. Они являются предметом изучения разных научных дисциплин: фольклористики, паремологии, этнографии, фразеологии¹.

Одним из новых подходов к изучению пословиц и поговорок является коммуникативный подход, подразумевающий изучение возможностей реализации текстов этих жанров в процессе коммуникации. При этом, анализируя конкретный материал, можно выделить функции пословиц и поговорок, противопоставляющие эти жанры другим малым жанрам фольклора².

1. Оценочно-характеризирующая функция заключается в том, что текст выражает положительную или отрицательную оценку какого-либо человека, явления, ситуации (причем эта оценка присутствует в пословице изначально, независимо от контекста). Например:

«Устинья Наумовна. *Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расслаблю, что стыдно будет в люди глаза показать! Ах, я дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием, с чином... Тьфу! Тьфу! Тьфу!* (Уходит.)

Подхалюзин. *Ишь ты, расходилась, дворянская-то кровь! Ах ты, господи!*

¹ В разделе фразеологии пословицы изучаются теми учеными, которые понимают объем фразеологии широко, то есть включают в него кроме собственно фразеологизмов также пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые слова и т. д. К числу таких фразеологов принадлежат Архангельский В. Л., Шанский Н. М., Смирницкий А. И. и др.

² Под функцией мы понимаем «предназначенность элемента» (в нашем случае текста пословицы или поговорки) «к определенному способу существования в системе» [Золотова, Ониненко, Сидорова 1998, 45].

Туда же чиновница! Вот пословица-то говорится: *гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи*³. *Ах ты, господи! Вот и смотри на нее, дама какая!*» (А. Островский «Свои люди — сочтемся»).

Или:

«Несчастливцев. *Ты не думай, братец, что я гнушаюсь своим званием. А неловко, братец; дом такой: тишина, смирение. А веди мы с тобой почти черти, немного лучше. Сам знаешь: **скоморох попу не товарищ**. Только ты насчет ссоры или драки, ну, и насчет чужого поостерегись, Аркаша! Хоть тебе и трудно будет, а постарайся, братец, вести себя, как следует порядочному лакею*» (А. Островский «Лес»).

Для текстов, выполняющих эту функцию, характерны:

- закреплённость за определенным кругом ситуаций (адресат игнорирует нормы поведения или языковые нормы, принятые в обществе, а говорящий, обнаружив это несоответствие, дает отрицательную оценку адресату и его действиям)⁴;
- оценочность и экспрессивность;
- некоторые ограничения в употреблении (оценка дается, как правило, знакомым лицам, к человеку малознакомому мы вряд ли обратимся с пословицей).

2. Волонтивная функция заключается в том, что говорящий с помощью пословицы дает адресату совет, рекомендацию, делает предупреждение с целью вызвать у него ответную реакцию (это может быть слово, дело или мысль). Причем он может быть лично заинтересован в контакте с адресатом или же просто с позиции более опытного человека хочет высказать свое мнение. Например:

«Мурзавецкая. *Молчи уж! Мне только твоё желание надо было знать, ты мне дорога-то; а на них нечего смотреть! Я умею с ними обращаться, вот посмотри! Только уж помни русскую пословицу:*

³ Здесь и далее текст пословиц в цитатах выделен автором статьи.

⁴ Оценка может быть и положительной, то есть поведение адресата расценивается как соответствующее норме.

давши слово, держись, а не давши, крепись!» (А. Островский «Волки и овцы»).

Или:

«Устинья Наумовна (целуясь). *Что это ты, как будто похорошела, поприпухла?*

Олимпиада Самсоновна. *Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?*

Устинья Наумовна. *Что за вздор, золотая; уж к тому дело идет. Рада не рада — нечего делать! **Любишь кататься, люби и саночки возить!***» (А. Островский «Свои люди — сочтемся»).

Для волонтивных текстов характерны:

- неравноправность участников ситуации (говорящий нуждается в чем-либо / адресат может это ему дать или говорящий как более опытный дает совет / адресат как лицо менее опытное в этом совете нуждается и т. д.);
- экспрессивность и вследствие этого возможность проявления оценочного компонента (как внутреннего, так и внешнего).

Однако надо отметить, что оценочные и волонтивные пословицы в чистом виде встречаются достаточно редко. Гораздо чаще мы сталкиваемся с *оценочно-волонтивными* текстами, в которых очень сложно определить, какая из двух функций является главной. Например:

«Кабанов. *Прощай, сестрица!* (Целуется с Варварой.) *Прощай, Глаша!* (Целуется с Глашей.) *Прощайте, маменька!* (Кланяется.)

Кабанова. *Прощай! Дальние проводы — лишние слезы.*

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара и Глаша» (А. Островский «Гроза»).

Или:

«Мурзавецкая. *Да, да, да! Вот что? Только ведь трудно уберечься-то, коли женихи-кавалеры постоянно кругом увиваются.*

Купавина. *Какие женихи? Какие кавалеры? Я ни одного еще не видала.*

Мурзавецкая. *Полно, матушка! Что ты мне глаза-то отводишь? **Я старый воробей, меня на мякине не обманешь.***» (А. Островский «Волки и овцы»).

Для оценочно-волеутивных текстов характерна тесная связь с контекстом, поскольку вне его многие тексты являются либо оценочными, либо волеутивными.

3. Реактивная функция заключается в том, что говорящий каким-то образом реагирует на сделанное ему предложение (отказом или согласием) или на полученную им информацию. Например:

«Подхалюзин. *А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с?*

Устинья Наумовна. *Да что ты, белены, что ль, обьялся?*

Подхалюзин. *Ничего не обьялся-с!»* (А. Островский «Свои люди — сочтемся»).

Или:

«Коршунов. *А, это ты, Любим?*

Любим Карпыч (загораживает лицо руками). *Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик.*

Коршунов. *Я тебя, братец, помню: ты по городу ходил, по копеечке собирал»* (А. Островский «Бедность не порок»).

Для реактивных текстов характерны:

- яркая экспрессивность, оценочность, которая, однако, исходит не из широкого обобщенного народного опыта, а является просто зафиксированной в языке реакцией, приобретшей формульный характер;

- стилистическая сниженность;
- этические ограничения в употреблении текстов (большинство реактивных поговорок не может быть обращено к малознакомым людям).

Кроме того, мы, вслед за Г. Л. Пермяковым [Пермяков 1975], выделяем *моделирующую функцию*. Однако, на наш взгляд, она существенно отличается от трех вышеназванных функций. Если пословицы с оценочно-характеризующей, волеутивной и реактивной функциями реализуются в речи в виде конкретных речевых актов, то моделирующая функция проявляется в самом факте использования пословиц и поговорок в речи⁵. Поэтому мы и не вносим ее в вышеназванный список.

⁵ Поскольку пословица является моделью целого ряда однотипных ситуаций, то

Далее на примере пословиц с волеутивной функцией мы хотим показать важность коммуникативного исследования этих текстов. Необходимо сказать, что такой анализ должен проводиться только в контексте и что одна и та же пословица должна рассматриваться в разных контекстах, т. е. для каждой пословицы должен быть предложен список речевых актов, в которых она может реализоваться.

При анализе должны учитываться некоторые факторы:

1. коммуникативные намерения говорящего;
2. присутствие или отсутствие прямого адресата;
3. социальные роли субъекта и адресата и их отношения между собой.

Рассмотрение пословиц как речевых актов — мысль не новая. Однако они изучались как речевые акты особого рода. Так, З. Капуо считает, что в ситуации употребления пословицы «говорящий <...> в столь же малой степени является говорящим в смысле теории речевых актов, как и, например, актер на сцене; такой говорящий скорее имеет статус передающего» [Капуо 1984, С. 257]. На наш взгляд, это не совсем так. Употребляя пословицу, говорящий, действительно, не создает, а воспроизводит текст. Однако выбор текста из ряда синонимичных и конкретная его реализация целиком зависят от говорящего и не менее четко, чем созданный акт, дают представление о его намерениях и отношении к окружающему миру и собеседнику.

Приведем теперь примеры такого анализа.

I. «Гурмыжская. *Ты на меня не сердишь, Иван Петрович! Я женщина, с меня строго взыскать нельзя. Сделай милость, приезжай ко мне завтра обедать.*

Восмибратов. *От хлеба, от соли не отказываются. Да там еще насчет пеньков...»* (А. Островский «Лес»).

В данном случае пословица является косвенным выражением *согласия* при употреблении ее в речи говорит о том, что мы вновь возникшую ситуацию оцениваем как аналогичную уже произошедшим, и на этом основании даем типичную в таких случаях рекомендацию, оценку или реакцию, зафиксированную в пословице.

ти в гости. Для того чтобы пословица была употреблена как знак согласия, необходимо, чтобы говорящий был пассивным участником ситуации и чтобы между говорящим и слушающим не было дружеских доверительных отношений (например, люди малознакомые или мужчина и женщина, которые вынуждены придерживаться определенных правил поведения), так как если люди находятся в близких отношениях, им нет необходимости прибегать к косвенному выражению согласия — они воспользуются прямым: «я приду», «я согласен», «я — за». Если «расшифровать» пословицу с учетом вышесказанного, то получится следующее: «Не принято отказываться от приглашения, поэтому я согласен прийти». Кроме того, пословица не зависит от языкового контекста, т. е. не нуждается в сопровождении прямого акта согласия или обещания (*Я приду. *От хлеба, от соли не отказываются*).

Однако возможна и прямо противоположная ситуация, когда пословица будет употребляться в качестве *приглашения*, вернее, усиленного приглашения (например, в ситуации долгих уговоров). И здесь пословица уже является зависимой от языкового контекста, так как для ее употребления необходимо наличие прямого акта приглашения:

— *Приходите* к нам. **От хлеба, от соли не отказываются.**

— Ну, ладно.

Или:

— *Приходите* к нам.

— Извините, я не смогу (вряд ли смогу).

— **От хлеба, от соли не отказываются.**

— Ну, ладно, я подумаю.

В таких ситуациях говорящий и адресат могут находиться в более близких отношениях. И говорящий очень заинтересован, чтобы адресат пришел, а тот либо не хочет, либо не может прийти.

II. «Большов (берет Липочку насильно за руку и Лазаря). *Как же не бывать, коли я того хочу? На что же я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?*

Аграфена Кондратьевна. *Что ты! Что ты! Опомнись!*

Большов. *Знай сверчок свой шесток! Не твое дело! Ну, Луна! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать!*» (А. Островский «Свои люди — сочтемся»).

Пословица реализуется здесь в комбинации двух косвенных речевых актов: 1) *требовании* замолчать и 2) *отрицательной оценке* адресата. Основным речевым актом будет именно *требование*, что подтверждается наличием императива. Оценка же выявляется из контекста, но ее может и не быть.

Подобная комбинация речевого акта возможна в определенных ситуациях. К ним относятся, например, ситуации социального неравенства субъекта и адресата, возрастного неравенства, враждебного отношения собеседников друг к другу. В приведенном примере это разговор мужа с женой, находящейся в зависимом положении. К тому же Аграфена Кондратьевна спровоцировала подобное поведение мужа, пытаясь остановить его.

Пословица, реализованная в акте требования, является самостоятельной, т. е. не нуждается в сопровождении прямого акта требования (* *Замолчи! Знай сверчок свой шесток*). Если же подобная комбинация появляется, то на первое место выдвигается акт оценки, а требование, выражаемое пословицей, нейтрализуется прямым актом требования.

Однако возможны ситуации, когда пословица будет выступать исключительно в волюнтивной функции, и тогда мы будем иметь дело с актами *предупреждения, совета* и др. (* *И запомни: знай сверчок свой шесток*). В таких ситуациях положение участников либо равноправное, либо некоторое неравенство существует, но отношения между ними лишены враждебности (например, родители и дети).

Встречается еще одна группа ситуаций, когда прямой адресат отсутствует в момент разговора. И тогда пословица реализуется исключительно в акте *отрицательной оценки*, причем говорящий не думает, что собеседник передаст его оценку адресату (*Он чересчур вознесся. Знай сверчок свой шесток. Как думаешь?*).

III. «Наплевать бы на них, на все ихние затейки — один бы конец... А приезжали бы опять, так милости просим мимо ворот щи хлебать» (А. Мельников «В лесах»).

Эту поговорку можно рассматривать, на наш взгляд, как пародию на формулу социального этикета (приглашение). В результате замены формы со значением направления «к нам» на форму «мимо нас» происходит кардинальное изменение смысла и мы уже имеем дело с актом *отказа* адресату от дома, хотя текст продолжает выполнять волюнтивную функцию, так как и приглашение, и отказ материализуют сознательную волю говорящего видеть адресата или не встречаться с ним. Однако в результате анализа ролей говорящего, слушающего и адресата мы приходим к выводу, что здесь имеет также место и *информатив* (речевой акт, направленный на информирование слушающего).

По мнению Г. Г. Кларка и Т. Б. Карлсона, все иллокутивные акты, направленные на адресата, осуществляются посредством информативов [Кларк, Карлсон 1985]. Это утверждение применимо не ко всем ситуациям, но в данном конкретном случае оно справедливо. Ведь адресат при разговоре не присутствует. Следовательно, основная цель говорящего — информировать слушающего о своем отказе с тем, чтобы он потом передал эту информацию адресату, причем в любой форме. Поэтому, хотя формально поговорка представляет собой акт отказа, главенствующая роль отводится все-таки информативу.

Если же говорящий хочет, чтобы информация была передана адресату, то мы имеем дело с несколько другой комбинацией актов: *отрицательная оценка, отказ, информатив*. И тогда реализацию поговорки в этой ситуации можно было бы «расшифровать» так: «Я так плохо к нему (к ним) отношусь, что не хочу видеть его в своем доме, и хочу, чтобы ты об этом знал».

Интересен в этом смысле текст из произведения В. Даля «Кто кого одурачил»: «Доложите ему, как там себе хотите, что-де от наших ворот есть поворот, любите нас, а ходите мимо». Здесь вид-

но, что говорящий просит собеседника (*доложите ему*) передать отказ от дома адресату, причем в любой форме (*как хотите*). Главенство информатива подчеркивается тем, что поговорка включается в косвенную речь. Таким образом, перед нами прямой речевой акт *просьбы* с дальнейшим информированием собеседника о желании говорящего. На первый взгляд, поговорка дублирует смысл предыдущего высказывания. Однако это не совсем так. Свою просьбу говорящий адресует слушающему и нейтрально информирует его о содержании того, что он должен будет передать. Поговорка же обращена непосредственно к адресату, являясь отказом от дома. Слушающего же говорящий информирует этим текстом о своем негативном отношении к адресату.

Таким образом, мы видим, что детальный анализ пословиц и поговорок в их речевых реализациях является необходимым и дает ощутимые результаты, которые не могут дать другие подходы к малым жанрам. Он позволяет:

1. определить необходимые условия для адекватного употребления пословиц и поговорок;
2. выявить потенциальные возможности каждого текста реализоваться в разных речевых актах;
3. представить жанры пословиц и поговорок как систему ярких языковых средств, которые имеются в распоряжении говорящего и позволяют сделать его речь не только более экономичной, но и более выразительной и сложной.

Литература

- Золотова, Онипенко, Сидорова 1998 — Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кларк, Карлсон 1985 — Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVII. С. 270—318.
- Пермяков 1975 — Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975. С. 247—274.
- Кануо 1984 — Кануо Z. О коммуникативной форме пословиц // Паремиологические исследования. Сб. статей. М., 1984. С. 257—259.